

В Е Р А
Колочкова

*Женщина,
которая ждала*

Р О М А Н

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Редактор серии *П. Корицкая*
Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*

Колочкова, Вера.

К61 Женщина, которая ждала : роман / Вера Колочкова. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-225985-2

Сколько любви нужно, чтобы выжить?

Лиза всю жизнь ждала тепла от матери, но вместо объятий получала холод и упрёки. Когда в доме появляется молодой мужчина, девушка впервые чувствует — её заметили. Но запретное чувство превращается в ловушку, из которой можно выбраться, только пройдя через боль и прощение.

Пронзительная история о нелюбви, взрослении и силе, способной исцелить даже старые раны.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-225985-2

© Колочкова В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Теперь не умирают от любви —
Насмешливая трезвая эпоха.
Лишь падает гемоглобин в крови,
Лишь без причины человеку плохо.

Теперь не умирают от любви —
Лишь сердце что-то барахлит ночами.
Но «неотложку», мама, не зови,
Врачи пожмут беспомощно плечами:
«Теперь не умирают от любви...»

Юлия Друнина

Лиза отодвинула от себя чашку с остывшим чаем, с тоской глянула на экран телевизора. Потом перевела взгляд на лицо тети Сони, подумала слегка раздраженно: как можно с таким увлечением это смотреть? Причем в который уже раз? Нет, понятно, что чеховская «Чайка» — бессмертная классика. Кто бы спорил! И эта последняя встреча Нины Заречной и несчастного Треплева звучит как притча во языцех. Но ведь все уже знакомо до зубной боли! Сейчас Нина скажет свое сакральное: «Умей нести свой крест и веруй». Скажет и уйдет. А Треплев останется. И застрелится. Все ж понятно, иначе и быть не может.

— Лизонька, а как ты думаешь, на чьей стороне все-таки был Чехов, а? Кому он больше симпатизировал, кого больше жалел — Треплева или Григорина? Я даже думаю, в чьи уста он вложил свое отношение к жизни?

Тетя Соня повернулась к ней от экрана, с нетерпением ждала ответа. Не дождавшись, вынесла задумчиво свой вердикт:

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Мне кажется, что Чехов — это все же немножко Треплев. Тонкая душа, талантливая, но ужасно ранимая и несчастная. Обиженная судьбой. Жалко его, правда?

— Кого жалко? Треплева или Чехова?

— Так Треплева, который немножко Чехов. Я ж тебе объясняю!

— Я не знаю, теть Сонь. Мне не жалко. И вообще, я не понимаю, почему вы с таким увлечением сотый раз этот спектакль смотрите. Мне кажется, наизусть все реплики выучили.

— Ну хотя бы потому, что в ней есть тайный смысл. Ведь до сих пор не утихают споры, что имел в виду Чехов, когда создал два эти загадочных образа. Вот и я тоже пытаюсь что-то понять!

— Да нет никакой загадки, теть Сонь. Все же предельно ясно. Этот ваш Треплев — ужасно неприятный человек. Нелепый, неуверенный в себе, презирающий себя. Ну да, он, может, и талантлив... Но кто это может понять? Все это ерунда — его «люди, львы, орлы и куропатки». Кому такой талант нужен?

— Так ведь талантливые люди такие и есть, Лизонька. Нелепые, неуверенные в себе. И Чехов с юности был немножко таким, как этот самый Треплев.

— А я считаю, что нет здесь связи с талантом. Треплев — это жертва, его таким мать сделала, вот и все. Как ее бишь...

— Аркадина, — тихо подсказала тетя Соня. — Да, но ведь не в этом суть пьесы, Лизонька.

Женщина, которая ждала

— Как раз в этом! Я это так вижу! Может, потому, что я тоже Треплев... И мне так же иногда хочется застрелиться. Очень хочется.

— Господи, Лиза, что ты говоришь!

— Да ладно, не делайте больших глаз, тетя Соня. Вы ведь прекрасно понимаете, о чем я. Прекрасно понимаете, что я нелюбимый ребенок. Нелепый, неуверенный в себе, презирующий себя, несчастный. Моя мать — как та Аркадина.

— Но ты не ребенок, Лиза. Тебе скоро уже девятнадцать.

— А нелюбимые дети навсегда остаются детьми. И с этим ничего сделать нельзя. И вообще... Не будем больше говорить на эту тему, ладно? Вон, смотрите, ваш Треплев уже и застрелиться успел. И насколько его не жалко.

— Лиза, Лиза... Ну откуда в тебе такие дурные мысли? Ты же умная девочка! Уверяю тебя, ты не права относительно мамы.

— Да. И мысли у меня дурные, и сама я дурная. В том смысле, что дурнушка. Некрасивая.

— Ты некрасивая? — более чем нужно удивилась тетя Соня. — Да не выдумывай! Ты очень красивая, Лиза!

— Ой, не смешите меня... Еще и «очень», главное.

— Ничего смешного тут нет. Просто, как бы это сказать... Тебе заняться собой надо. Ты выглядишь несколько неухоженной. Вон, стрижка давно отросла, некрасиво... И лицом надо заняться — ну что это у тебя за подростковые прыщи на лбу? И похудеть бы тебе не мешало.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да не продолжайте, тетя Сонь, и без того все понятно! — с грустным смехом отмахнулась Лиза. — Я та еще кикимора, я это понимаю. А знаете, кого раньше называли кикиморами?

— И кого?

— Нелюбимых детей в семье. И даже поверье такое было: если мать не любит своего ребенка, он вырастает и становится кикиморой.

— Ну, это ты уже на ходу придумала, наверное!

— Нет, не придумала. Я правда про это читала, тетя Соня. А можно я у вас ночевать останусь, а?

Вопрос повис в воздухе, отобразившись на лице тети Сони ужасной неловкостью. Лиза усмехнулась: чего уж так сильно переживать, подумаешь... Невелика ведь просьба — просто на ночь остаться! Но тетя Соня, конечно, иначе думает и сейчас начнет свои нелепые доводы приводить.

— Лизонька, я бы, конечно, не возражала, пожалуйста... Но ведь ты знаешь, как твоя мама опять рассердится! Она же в этом бог знает что увидит. Начнет выводы нелепые делать, будто я тебя против нее настраиваю!

— Да ничего она не рассердится! Она и не заметит, что меня дома нет! Я для нее пустое место, никто и звать никак! Я ж говорю, что один путь остается — в кикиморы!

— А вот это ты зря говоришь, Лиза! Совершенно зря! Нельзя так о маме!

— Как «так»? Ну как?

— Нельзя сейчас на маму обижаться, ты пойми... Пойми, как ей сейчас нелегко. Она большую траге-

Женщина, которая ждала

дию переживает. Перед этой трагедией все остальное для нее меркнет.

— О какие высокие слова, тетя Соня! Все остальное меркнет! Можно подумать...

— Да, Лизонька. Не можно, а нужно подумать. И попытаться понять маму. Не надо на нее сердиться, наоборот, надо больше говорить с ней, отвлекать, участие проявлять. Не для всех развод проходит легко. Ты же знаешь, как она твоего папу любила, как вся ушла в эту любовь. Вся ее жизнь в этой любви была, все мысли, вся женская суть! Такую самоотдачу редко наблюдать у кого можно!

— Да знаю, сама все это видела с рождения. Не повезло мне. Но ведь уже полтора года прошло, как отец от нее ушел, а она все переживает! Сколько можно-то?

— Ну, знаешь... Некоторые женщины всю жизнь это страдание в себе несут. И оно не изживается, а, наоборот, горше становится. Тем более если учесть, что твоя мама — однолюбка. Пойми, ей сейчас очень нелегко.

— Вот именно, однолюбка! Она только отца любила и любит. А мне уже ни капли той любви не досталось. Зачем она меня рожала тогда, не пойму. Или тоже какие-то корыстные соображения были? Мол, если есть любовь, значит, и плод любви должен быть, да? Его ж потом просто можно сбросить с ветки — пусть под деревом валяется?

— Лиза, перестань! Не надо так говорить! Ты должна ее понять! Ты же дочь! Вы же родные люди!

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да, вам легко говорить, тетя Сонь. Вон, сколько правильных слов у вас заготовлено, как по учебнику психологии шпарите. Вы же не слышите, как мать со мной разговаривает! Да если б слышали...

— И как она с тобой разговаривает?

— Да сквозь зубы! Будто ее трясет от одного моего присутствия. Будто это я виновата, что отец ее бросил.

— Ну ты ведь тоже не подарок, Лизонька, согласишься! Ты тоже можешь мать провоцировать!

— Да ладно вам...

Лиза сердито махнула рукой, отвернувшись. Долго молчала, думала о чем-то своем. Потом проговорила обиженно:

— Ну ведь с вами я нормально общаюсь, тетя Сонь, правда? Ничем вас не провоцирую? Вы ко мне хорошо относитесь, и я к вам соответственно. Ведь так?

— Да так, Лизонька, так...

— Тогда я останусь, ладно?

Тетя Соня снова вздохнула тяжело, отвела глаза. Потом покачала головой, проговорила с тихим отчаянием:

— Нет, Лизонька, нет. Ты пойми, у меня с твоей мамой и без того напряженные отношения, и я не могу...

— Это не у вас с ней напряженные отношения. Это она делает все, чтобы они были напряженными. А вы на поводу у нее идете, боитесь что-то не так сделать — а вдруг ей не понравится! Ну зачем, тетя Сонь? Чем больше боитесь, тем больше она звереет.

Женщина, которая ждала

— Да, может, ты и права. Но я все равно не могу. Мне просто очень жаль Аллочку, понимаешь? Опять она будет сердиться, нервничать. Все ей кажется, что я ей враг.

— Ну да, кто бы спорил. У нее ж одни враги кругом, — с тихим сарказмом проговорила Лиза. — Понятно, что бабушка ей враг, она никогда этого и не скрывала. Да она даже слово «свекровь» произносит так, будто плюется. Хотя раньше только и делала, что лебезила перед ней. А как папа ушел, бабушка сразу явным врагом стала. Да это и понятно, в общем. Но вы-то, тетя Сонь! Вы же всего лишь сестра бабушки, вы моей матери седьмая вода на киселе! Вы-то чего так боитесь?

— Да я не боюсь. Я ж объясняю: мне просто Аллочку жалко. И свою сестру Лизу я тоже никогда не понимала. Чем ей Аллочка не угодила? Она ж так старалась! Вон, даже тебя Лизой назвала в ее честь.

— Выходит, зря старалась. Не помогло. Для бабушки Лизы это честью не стало. Да и не была она мне бабушкой по большому счету, не любила меня. Когда на меня смотрела, всегда лицо такое делала... Презрительно-скептическое. И говорила всегда одно и то же: мол, вся в мать, не в нашу породу. Что, разве не так, скажете?

— Да, у моей сестры тяжелый характер, согласна. Если честно, я и сама ее всегда немного побаивалась. Еще с детства.

— Что, абьюзила она вас, да?

— Как? Как ты сказала?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Ну, такое отношение сейчас определяется одним словом — абьюз. Когда один своим поведением уничтожает психику другого, обнуляет как личность.

— Нет, я бы не сказала, что уж до такой степени. Раньше мы были очень близки. Мы же сестры, родные по крови. От этого никуда не денешься. Правда, отцы у нас разные. Лизочка у мамы уже во втором браке родилась. И отчества у нас разные: я Софья Ильинична, а она Елизавета Максимовна. Но я всегда свою сестру очень любила. И Лизиного сына, то бишь твоего папу, я очень любила. Лиза даже ревновала Левушку ко мне, было дело.

— Да, отцу везет на любовь, его все любят. Для бабушки Лизы он всегда был светом в окошке — единственный сынок, боготворимый. Вы его любили. Мать его без ума любила, да и сейчас любит. И свежая молодая жена любит. Вот почему все так несправедливо, а? Одному куча любви достается, девать ее никуда, а другому — ни крошечки? Почему? Где справедливость, скажите?

— Говорят, справедливости нет на земле, детка, — с грустной улыбкой ответила тетя Соня. — Но я тебя люблю, если тебя хоть немного это утешит.

— Спасибо, тетя Соня. Да, я знаю, вы ко мне хорошо относитесь. Но при этом и мать боитесь обидеть. И еще я спросить хотела у вас... Вот вы говорите, раньше с бабушкой вы были близки. Родные сестры, мол, кровь не вода, все такое... А куда ж эта близость потом подевалась, интересно? Вон вас даже на свежую отцовскую свадьбу не пригласили. Хотя вы ближайшая родственница!

Женщина, которая ждала

— Ой, да какая там родственница... Двоюродная бабушка нашего Левушки. Зачем приглашать на свадьбу всяких старух? Седьмая вода на киселе, отработанный материал... Да и чего обо мне говорить, господи! Со мной все ясно. А вот ты... Ты почему не пошла на свадьбу к отцу, скажи?

— Вот еще! — сердито фыркнула Лиза. — Нужна я там сильно, на свадьбе! Да отец и не особо звал. Испугался, наверное, что я не впишусь в новое окружение. Или выкину что-нибудь этакое...

— А ты бы и впрямь выкинула?

— Да не, зачем. Хотя все это ужасно смешно. Отец — и жених! Весь из себя причесанный и на помаженный, в галстук-бабочке! А рядом невеста, вся в белом. Красивая, молодая... Разве не смешно, скажите?

— Да что ж тут смешного, Лизонька? Твоему папе всего сорок пять. Для мужчины это не возраст!

— Ничего себе, всего сорок пять! А этой Юле, его новой жене, двадцать, между прочим! Она почти моя ровесница! На фига ей все это надо, не понимаю?

— Ну, наверное, она любит его. И ей вовсе не смешно, ей все это очень нужно — и белое платье, и фата, и галстук-бабочка. Зря ты не пошла на свадьбу, зря...

— Нет, не зря. Представьте, если бы пошла, как бы моя мать прореагировала? Да нет, вы не представляете даже, о чем я!

Тетя Соня не нашла что ответить, лишь улыбнулась жалко. Какой неприятный разговор полу-